

ИЩУ ЧЕЛОВЕКА

Заметки о спектаклях Львовского русского драматического театра Советской Армии в Кишиневе

...Произнесли традиционно теплые слова благодарности представители Кишиневского горсовета и гарнизона, вручая почтенные грамоты театру. Произнесли ответно благодарные слова главный режиссер театра заслуженный деятель искусств УССР А. Ротенштейн и начальник театра подполковник К. Смирнов. Прелестные девушки, мило смущаясь, подарили артистам роскошные букеты молдавских цветов. Стих шум щедрых аплодисментов. Театр уехал.

Газеты не обижали гастролеров вниманием. Я — не рецензент, ничего не писал о спектаклях во время гастролей. Почему же сейчас захотелось поделиться впечатлениями рядового зрителя? Да потому, что не только сиюминутным впечатлением о спектакле ограничивается воздействие театра на зрителя. Куда важнее, что остается людям «на потом» в душе их.

ТЕАТР, о котором идет речь, — особенный. Прежде всего потому, что в отличие от множества других театров, он не просто служит Искусству, но служит в Советской Армии в самом буквальном смысле этого слова — в качестве спецподразделения. Это театр-солдат, театр в погонах. И если служба в армии — достаточно нелегкое дело, то и служба Искусству в армии отнюдь не упрощает задачу театрального коллектива.

Постоянно сложный вопрос репертуара особенно современного, для всех театров, для военного театра становится еще сложнее: если есть — и в том числе очень хорошие! — пьесы о гражданской и об Отечественной войнах, то не так много полнокровных пьес о сегодняшних буднях армии.

Не случайно Львовский театр самозабвенно и радостно работает с молодыми авторами Г. Семенов над его пьесой «Однополчане» и с А. Пинчуком над пьесой «Лейтенанты». Не только над постановками, осуществленными народным артистом УССР лауреатом Государственной премии СССР А. Аркадьевым, но именно над пьесами, с первых литературных вариантов. Благодарный отклик зрителей — достойная награда постановщику и актерам за современную военную тему!

Итак, театр Советской Армии, но ведь прежде всего — Театр! И сама армия не единичными военными спектаклями жива на досуге, и мы, тем более, ждем от театра — театр-

альности, то есть, высокого профессионального мастерства в сценическом отражении жизни.

Не могу утверждать, что львовяне во всех своих работах достигли безупречного высокого уровня, и наше зрительское дело — только восхищаться. У меня нашлось бы о чем серьезно поспорить и с режиссерами отдельных спектаклей, и с отдельными актерскими работами.

Но прежде всего хочется сказать о том, что хорошего осталось в моей зрительской душе и памяти. Из «невоенного» репертуара львовян посмотрел я «Последнюю жертву» Островского, «На золотом дне» Мамина-Сибиряка, «Сослуживцев» Брагинского и Рязанова, «Кресло № 16» Угрюмова, «Затюканного апостола» Макаенна да еще детский спектакль «Пеппи Длинный чулок».

Классическая комедия, бытовая хроника современная комедия, трагикомедия, комедия-водевиль, инсценировка популярной детской книги известной шведской писательницы. Драматургический материал достаточный и для цельного впечатления о стиле и уровне театра, и для общего суждения о театральной интерпретации серьезных проблем и психологической глубины, водевильной легкости и комедийного изящества.

— Что же ищет Львовский русский драматический театр Советской Армии в своей работе? — спрашиваю я сейчас себя. И уверенно отвечаю: — Че-

ловека! Человека даже и в бесчеловечных условиях буржуазного мира конкуренции и все омертвляющей власти денег, извращенных моральных ценностей и неизбежно извращаемых простых и светлых человеческих чувств и качеств — любви, доброты, честности, порядочности...

И эти простые качества вдруг становятся заново и свежо осязаемыми и дорогими, когда видишь их гибель в мире «Последней жертвы» и «На золотом дне», бесповоротно разрушенном нами в Октябре больше полувек назад, и в мире, существующей рядом с нами названной родиной «Затюканного апостола», который еще достаточно силен и жизнеспособен, несмотря на то, что он окончательно извратил и опознал все представления о душевном благородстве и духовных ценностях человека...

В «Последней жертве», которую поставил заслуженный деятель искусств УССР А. Ротенштейн и оформил заслуженный деятель искусств УССР, лауреат Государственной премии СССР В. Борисовец, эту задачу целеустремленно выполняют все актеры. И в элегантно проходившее Дулькине (заслуженный артист МССР В. Щербакон) и в жалком приживале Дергачеве (Ю. Клипп), и в мышином жеребчике Лавре Мироныче (заслуженный артист УССР Н. Остроушенко), и в Салай Салтановиче (заслуженный артист Литовской ССР А. Кравчук), и во Флоре Федульиче Прибыткове (заслуженный артист РСФСР Б. Молчанов), и особенно — в Юлии (народная артистка УССР З. Дехтярева) в разные моменты вдруг засветится неожиданное человеческое, искреннее, и подленькое становится подлым, а страшноватое — страшным.

«На золотом дне» — бытовая хроника Мамина-Сибиряка. Она сюжетно похожа на пьесу Островского, близка ей по многим положениям и дает немалые возможности для создания крупных и ярких характеров,

и актеры под руководством постановщица С. Ярмолинца используют эти возможности. Особенно колоритен и обаятелен разорившийся золотопромышленник Тихон Кондратьевич Молоков в исполнении народного артиста УССР лауреата Государственной премии СССР А. Аркадьева. Огромный, все еще могучий, но уже грузный, с живым мужицким умом, образной и остроумной речью, он по-своему порядочен, не зол, даже не жаден: он не терлет облика своего и в разорении.

Но ведь именно он воспитал «цивилизованного» хищника Ивана Засыпкина. И воспитанник не только с блеском ограбил воспитателя, но и покупает дочь его в жены себе! Засыпкин в исполнении народного артиста УССР, лауреата Государственной премии СССР Б. Чинкина — не просто беспринципный хищник, но и человек, не потерявший способности мучиться ревностью, понимать бессмысленность жизни своей, и оттого еще более страшный.

Ходунов в «Кресле № 16» — и. о. директора театра наших дней. Он умен, наделен чувством юмора, умеет администратор, хорошо понимает искусство, насильно видит творческое ничтожество именитого драмдепала и своего главного режиссера, бестолковое лакейство театрального администратора, но... Сам почти лакействует перед драмдепалом и своим начальством умело душит творческий поиск молодых, с унылым упрямством идет за чиновничьей конъюнктурой, обесценивающей ему пустой зал на каждом спектакле...

Смотришь из этого администратора, сознательно опустившегося до циничного приспособленчества, на его водевильное окружение, хохочешь и вдруг чувствуешь желание закричать: — Да как же ты смеешь сбивать в себе человека! В наши-то дни!

Спектакль прекрасно «обкатан», но он и хорошо постав-

лен (иначе что было бы обнаживать?). Говорю об одном Аркадьеве не только из-за возможности сказать обо всех, но и потому, что в водевильной этой роли прекрасный артист обнажает серьезную опасность обесчеловечивания приспособленчеством и в наши дни.

Не могу не сказать в плане темы «ищу человека» и еще о двух очень разных спектаклях: «Сослуживцы» и «Затюканный апостол». «Сослуживцы», на мой взгляд, не самая сильная комедия известных соавторов, но я говорю о спектаклях, а не о пьесах, а в этом спектакле главный поиск львовского театра тоже отчетлив и явен.

«Мыра» — Калугина, с гротескной резкостью сыгранная народной артисткой УССР З. Дехтяревой, в какой-то невольный момент своей жизни уверила себя, что честно служить — значит засушить в себе человека. Она и сослуживцев засушила, да и дело-то само, коему истово служит, — засушила.

И тогда Калугина — Дехтярева неумлюже и смешно прорывается к себе — живой, человеку и женщине, она дает нам право не только посмеяться и посочувствовать, но и осудить ее: рядом с ней-то люди тоже все больше превращались в исполнителей. И вина добродушного увальня, честно и вяловатого Новосельцева (народный артист Б. Чинкин), тоже получается куда большей, чем у приспособленца Самохвалова (артист Магдинский), потому что приспособленец Самохвалов танок и есть, а способный, но ленивый Новосельцев таким становится постепенно.

Однолинейная роль секретарши Верочки, но какой неожиданной сильной портрет однолинейного человека создает артистка В. Сивова! Этакий блестяще оформленный в великодушную женщину биоманекен, удивительно красивый и потрясающе нищий духовно! Какой человеческой и живой кажется рядом с ней смешная и

жалкая воскресшая любовь постаревшей Рыжовой — народная артистка УССР Л. Калачевская — и Самохвалову!

Трагически обречен поиск человеческого в бесчеловечном мире «Затюканного апостола», спектакля в постановке С. Ярмолинца.

Прекрасная пара — Папа и Мама, талантливо исполненные супругами Кравчук: лживо-искренний и искренне-лживый Папа, молодящаяся, красивая, часто принимаемая за сестру своей Дочери Мама. Они вовсе не отталкивающие, не ходячие, они по-своему привлекательные, живые люди. Но как яростен разоблаченный Папа, как истерична мгновенно постаревшая разоблаченная Мама, как страшно объединяются они, ненавидящие друг друга, против своего Малыша, ставшего на миг судьей их!

Нежная и совершенно «никая» личность — Дочь убедительна в исполнении изящной А. Молгановой. Сын — Малыш молодого артиста В. Кукина — этанкий громадный подросток, тчетно пытающийся понять, объяснить, исправить бесчеловечность мира своей семьей, общества и — морально гибнущий под непосильной тяжестью.

Главное и в этом спектакле Львовского театра — то, что актеры играют не просто ситуации, а ищут человека даже в самых «нечеловеческих» ситуациях, в самых проходных образах. Оттого философские проблемы, драматургические ситуации становятся не просто правдоподобными, а правдивыми, живыми, ничуть не проигрываая в театральности.

Не могу не сказать и еще о двух достоинствах, может быть, второстепенных, но немаловажных. По-моему, львовские артисты умеют ходить, двигаться даже в сложно спланированном сценическом пространстве, даже в трионных ситуациях, в многолюдных сценах. А это — бесспорная сценическая культура.

Кроме того, в каждом спектакле при самых различных актерских индивидуальностях, видишь ансамбль. А это — тоже культура.

...Итак, что ты ищешь, театр? Ищу Человека! Во вчерашнем — нынешнем, в нынешнем — завтрашнем...

Успехов тебе в этом поиске, Театр!

Владимир ИЗМАЙЛОВ.

x 2 АВГ 1973

Львовский русский драматический театр Советской Армии